

Карибуллин А.А. (ЦРО – ДУМ РТ, Казань)

РИЗАЕТДИН ФАХРЕТДИН И ЗАЙНУЛЛА РАСУЛЕВ: К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ СУФИЗМА

Аннотация: В статье рассматривается отношение Р. Фахретдина к религиозно-философскому течению «суфизм» и к некоторым его представителям в Волго-Уральском регионе.

Ключевые слова: Р. Фахретдин, суфизм, З. Расулев, джадидизм.

Rizaetdin Fakhretdin and Zaynulla Rasulev: the problem of thought sufism

Abstract: The article considers the relation R. Fakhretdin to religious-philosophical current «Sufism» and some of its representatives in the Volga-Urals region.

Key words: R. Fakhretdin, Sufism, Z. Rasulev, Jadidism.

На фоне исследований по возрождению и изучению богословского наследия мусульманских религиозных деятелей Волго-Уральского региона возрастает интерес к богословским трудам Ризаетдина Фахретдина и его воззрениям, которые отличаются свойственной только ему уникальностью. Труды Р. Фахретдина, яркой фигуры реформаторского движения XIX – нач. XX вв., являются достоянием национальной истории, духовной культуры народов Поволжья и Приуралья.

При изучении творчества и взглядов Р. Фахретдина вызывает интерес его отношение к личности Зайнуллы Расулева и к суфизму в целом. Обе личности жили и творили, практически, в одно время, и их судьбы, можно сказать, тесно переплетены между собой.

Стоит отметить, что суфизм выступал практически единственной формой бытования ислама среди народов Волго-Уральского региона и во многих уголках мусульманского Востока. З. Расулев являлся шейхом тариката Накшбандийа, ветви «халидийа». Из истории видно, что ветви «муджаддидийа» и «халидийа» были самыми распространенными в Волго-Уральском регионе России в XVIII – XX вв. Многие исследователи причисляют Зайнуллу ишана к джадидам. В первые годы в программе обучения медресе преобладали традиционные богословские дисциплины: логика и калам. Зайнулла Расулев был противником схоластики, поэтому преподавание в «Расулийа» концентрировалось на изучении Корана и хадисов по богословским трудам Г. Курсави и Ш. Марджани. С 1893 года З. Расулев начал реформировать свою школу по джадидскому образцу: ввел звуковой метод обучения, классно-урочную систему, изучение свет-

ских дисциплин. В 1895 г. послал двух педагогов для личного обучения у И. Гаспринского. Медресе «Расулийа» превратилась в джадидское медресе, а также в один из центров тариката Накшбандийа, особенно для мусульман Оренбургской губернии, Уральской и Тургайской областей. Однако зарубежный исследователь Х. Алгар опровергает тот факт, что Зайнулла Расули мог причислить себя к джадидам. Он считает, что медресе «Расулийа» можно назвать учебным заведением смешанного (принимало новые методы, но в тоже время сохраняло традиционность) типа, которое служило мостом между «джадидами» и «кадимистами» [Алгар 2000: 82].

В связи с этим, стоит дать краткое объяснение понятию «джадидизм». Так, профессор Р.М. Мухаметшин пишет: «В научном объяснении феномена джадидизм очень много белых пятен, которые оставляют возможность для вольного толкования этого феномена. Если для одних это всего лишь реформирование системы образования путем создания новометодных медресе, то для других это не больше и не меньше как татарский вариант ислама» [Мухаметшин 2005: 82]. В общем, взаимоотношения татарского реформаторского движения

«джадидизм» и суфизма, рассмотрение которых поможет прояснить многие положения в нашем исследовании, весьма интересны.

Исходя из вышеприведенного определения, можно сказать, что З. Расулев был сторонником реформы именно религиозного образования, оставаясь при этом в рамках традиционного суфизма, не переходя к идеям реформирования самого ислама. Внедрение джадидидских методов в систему образования укрепило авторитет З. Расулева не только среди населения, но и среди мусульманской интеллигенции, соединив в одно целое идеи реформы мусульманского образования и суфизма. Однако стоит учесть тот факт, что уже в начале XX века медресе Расулийа практически целиком переходит в руки сына Зайнуллы ишана Габдулле Расулеву. Об этом пишет в книге воспоминаний С.Г. Рахманкулова: «После окончания обеда Ишан Хазрат обратился к присутствующим гостям. Он сказал, что все руководство медресе передает своему старшему сыну Габдрахман Хазрату, благословляет его и разрешает провести изменения в работе медресе» [Рахимкулов 2000: 53]. По возвращении на родину в 1902 году после окончания исламского университета «Аль-

Азхар» Габдрахман Расулев с большим энтузиазмом приступает к преподавательской деятельности, которая отразилось в изменении программы медресе. В 1903 году уже начинаются серьезные преобразования медресе «Расулийа», в частности, оно оборудуется современной зарубежной техникой, приобретает новое здание. Получая образование в «Аль-Азхаре», Габдрахман Расулев мог пропитаться идеями реформаторства у муфтия Египта Мухаммеда Абдо, который был учеником Дж. Аль-Афгани.

Известно, что Р. Фахретдин глубоко почитал шейха Зайнуллу Расулева, а в сборнике некрологов на его смерть, изданном в 1917 г., назвал покойного шейха «великой исторической личностью нашего народа» [Насыйров 2000: 3]. А Х. Алгар причисляет Р. Фахретдина к последователям шейха З. Расулева [Алгар 2000: 89]. Также об этом упоминает и Х. Максудов, говоря о том, что некоторые центральноазиатские, татарские и даже афганские ишаны, посвятили в Накшбандийя большинство теоретиков татарского реформизма, среди которых в числе учеников Зайнуллы ишана числится и Риза Фахретдин [Максудов: 45].

Следует принять во внимание отрывок из сборника не-

крологов, в котором Р. Фахретдин описывает встречу своего учителя с Зайнулла хазратом в Альметьевске (во время заключения под стражу и перевода его по этапу). Так, он пишет: «Об их встрече учитель сказал: Зайнулла хазрат – человек с хорошей памятью и ученый. Каждую свою мысль подтверждал доказательствами из книг. Называл книгу, том и страницу, где находятся эти слова. Вдобавок к этому, он очень воспитанный, с открытой душой. Ему не свойственен гнев». Далее сам Р. Фахретдин, соглашаясь с эти высказыванием, говорит: «Это я слышал от многих людей» [Фахретдин 2009: 42-43] (перевод наш – А.К.). Исходя из вышеизложенного, можно с уверенностью сделать вывод, что Р. Фахретдин и З. Расулев были не только соратниками в области мусульманского просвещения, но и близкими друзьями. В датах жизни и творчества Р. Фахретдина исследователь Г.Б. Хусаинов указал время 1894-1895 г.г. как годы установления крепкой дружбы между Зайнуллой ишаном и Риза Фахретдином [Хусаинов 2010: 13]. Также примечательно, что после смерти Р. Фахретдина пост муфтия ЦДУМ занимает старший сын Зайнуллы ишана Габдрахман Расулев. Это еще раз показывает, что семьи

обоих личностей были очень близки.

Обоснование некоторых спорных положений в воззрениях на суфизм Р. Фахретдина приводит в своей статье Р.И. Насыров. Он считает, что основной причиной противопоставления взглядов Р. Фахретдина многовековому религиозному наследию является необъективное изучение Советской наукой религиозно-философского наследия мусульманского Востока, т.е. на основании атеистических и рационалистических взглядов одни течения ислама искусственно делились на прогрессивные, а другие – на реакционные. Он пишет: «Согласно такому абстрактному и схематическому подходу, обществоведы предпочитали рассматривать суфизм, одно из главных религиозно-философских направлений ислама, как глубоко консервативное явление, антипод разуму, прогрессу и свободной мысли. И это только потому, что суфий, исходя из своего положения об ограниченности разума, настаивали на его дополнении интуитивным познанием. А поскольку Риза Фахретдин воспевал разум и научное знание, то неискушенный человек может сделать вывод, что он негативно относился в целом к суфийской традиции» [Насыров 2009: 102-

106]. Действительно, в этом плане Советская наука применяла принцип дихотомии, т.е. целенаправленно разделяла на прогрессивное и отсталое. Это можно увидеть также на примере «джадидизма» и «кадимизма», когда одно противопоставляется другому. На самом деле, никакого противопоставления, в целом, и не было, так как и джадиды в лице Ш. Марджани, Г. Баруди, З. Расулева состояли в тарикате Накшбандийа, что является традиционным элементом кадимизма.

Однако Р. Фахретдин в своем основном труде религиозно-теологического характера «Дини вэ ижтимагый мэсьэлэлэр» весьма часто прибегает к критике суфизма и ишанизма. Например, Р. Фахретдин пишет: «Когда с одной стороны шло избавление тафсиров от иудейских повествований, с другой – возникли приверженцы спекулятивного богословия и суфии, которые стали тянуть Коран на свою сторону, использовать аяты в качестве доказательств безошибочности своих воззрений и совершаемых деяний. У этих двух групп есть соответственно свои тафсиры, которые воспринимаются среди людей как комментарии к Корану. По причине их изучения, возможно, есть и нашедшие наставление на истинный

путь, однако заблудившихся, по всей вероятности, больше» (перевод наш – А.К.) [Фахретдин 1914: 23]. Далее ученый пишет следующее: «Передается, что имам Абуль-Хасан аль-Вахиди, имея в виду книгу «Хакаи́к ат-тафсир» Абу-Абдаррахмана ас-Сулями¹, сказал слова такого содержания: «Если он был убежден, что написанное им является толкованием Корана, то этот человек должен быть вероотступником» [Фахретдин 1914: 24]. Критикуя суфиев и мутакаллимов в привнесении в религию большого количества новшеств (бидгат), ученый говорит: «Привнесенных со стороны людей калама и неграмотных суфиев новшеств (бидгат) нет счету» [Фахретдин 1914: 129].

Ф.Н. Баишев также отмечает негативное отношение Р. Фахретдина к суфизму, в связи с чем приводит в своем исследовании характеристику, данную Р. Фахретдину муфтием Г. Баруди: «...Критика в отношении последователей суфийских орденов и всех улемов чрезмерна. Своими некоторыми статьями и идеями иногда становится примером

1 Мухаммад ибн Хусайн аль-Азди ас-Сулями (ум. 412 х.). Один из известных ранних суфийских писателей, прежде всего известный своим произведением «Табакат ас-суфиййа». Также был авторитетным богословом шафиитского мазхаба, знатоком и собирателем хадисов.

для чрезмерностей и преувеличений, увлекающихся языком и пером молодых людей» [Баишев 1996: 120].

В труде Р. Фахретдина «Мэшхур ирлэр» («Знаменитые мужи») автор знакомит читателя с выдающимися деятелями науки, философами. В данных книгах достаточное место уделено освещению творчества крупнейших исламских мыслителей-мистиков, как, например, Имама ал-Газали и Ибн Араби. Но, тем не менее, в этой серии уделено место и личности Ибн Теймийи, который, как известно, был ярким противником нововведений и довольно критично относился к суфизму. Исходя из этого, можно предположить, что у Р. Фахретдина прослеживается идея освещения различных точек зрения на примере знаменитых личностей, которые принадлежали к разным идейным группам. Этим действием Р. Фахретдин пытался показать разные взгляды на понимание некоторых моментов в исламе, чтобы мусульманское сообщество было осведомлено с разных сторон, что, соответственно, ведет к более тщательному анализу.

Несмотря на вышеприведенные высказывания, Р. Фахретдин не выступал с резкой критикой и опровержением суфизма как науки или же его эзотерического содержания, а безжалостно об-

рушивался лишь на те проявления, которые мешали гармоничному развитию личности и общества. Так считает современный исследователь Л.И. Тухватуллина [Тухватуллина 2003: 115]. Также это прослеживается в следующих высказываниях Р. Фахретдина: «Не придаю никакого значения снам, кроме как снам о пророках и святых суфиях» [Фэхреддин 1999: 99]. Из данного высказывания следует то, что суфизм имел непосредственное влияние на ученого. Это также опровергает высказывания некоторых ученых, которые пишут, что Фахретдин не признавал ничего, кроме рационального мышления.

Некоторые исследователи отмечают, что в то время суфизм делился на «высокий» и «низовой». «Высокий» суфизм представляли такие личности, как шейх Зайнулла Расулев, много сделавший для обновления различных сторон жизни (образование, политика и экономика) мусульман дореволюционной России, особенно мусульман Поволжья и Урала, пишет Р. Насыров [Насыров 2000: 13]. Негативное отношение Р. Фахретдина к суфизму в некоторых его трудах можно также объяснить и тем, что критика выражалась в отношении определенных личностей, которые, прикрываясь высокими ценностями

суфизма, спекулировали на духовных ценностях, т.е. в отношении «низового» суфизма, тем самым являясь тормозом в развитии ислама. В этом плане нам показалась весьма интересной статья зарубежного исследователя Тьерри Зарконе «Суфизм в татарском мире в начале XX века», в которой автор подробно рассмотрел взаимодействие реформаторского движения «джадидизм» с суфизмом. Исследователь также разделяет суфизм на хороший и плохой, приводя при этом высказывания З. Валиди, а для более зримого восприятия разделяет понятия «шейх» и «ишан», хотя и допускает исключения в употреблении данных терминов в отношении З. Расулева, которого одновременно называли и ишаном, и шейхом. В его понимании «шейх» – это истинный, образованный суфи, а «ишан» представлял собой невежественного деревенского суфи. Он также отмечает, что джадиды тесным образом были связаны с суфизмом, хотя и допускали некоторую критику в их сторону. Также исследователь указывает, что при совершении паломничества большинство джадидов проходило через суфийские текке. Делая вывод, исследователь замечает, что проблема суфизма реформистских мыслителей татарского, сред-

неазиатского, да и всего мусульманского мира в совокупности, далека от разрешения [Зарконе 1997, №12].

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что отношение Фахретдина к суфизму (тасаввуфу) не было негативным. Но также ошибочным будет утверждение, что ученый полностью принимал суфизм и его проявления. Условно его отношение можно обозначить как «умеренное» (т.е. ученый принимал его как науку, но относился негативно к некоторым его проявлениям, в частности, к ишанизму). Не принимать суфизм Фахретдин просто не мог, так как получил свое образование в традиционном кадимитском медресе, где суфизм был составным элементом обучения. С другой стороны, Р. Фахретдин впитал идеи таких мусульманских реформаторов, как Джамал ад-Дин ал-Афгани и Мухаммед Абдо с идеями возврата ко временам пророка Мухаммеда и очищения религии от позднейших наслоений. И действительно, если сопоставить некоторые аспекты отношения Р. Фаретдина и М. Абдо к суфизму, то мы увидим колоссальное совпадение во взглядах. Мухаммад Абдо также довольно резко выступал против суфизма, хотя и признавал некоторые достоинства учения – нравственное самосовершенствование, обретение

внутренней веры, критическое отношение к официальной догматике и т.д. Тьерри Зарконе в своей статье даже приводит слова М. Бигиева из его книги «Исламские философы», в которой также говорится, что М. Абдо проявил интерес к суфизму и даже был членом суфийского ордена «Шазилийа».

Несмотря на данные противоречия, Ризаэтдин Фахретдин является великим ученым и просветителем своего времени, труды которого отличаются

уникальностью и представляют большую актуальность для разных наук в наше время. Великий татарский ученый и просветитель Ш. Марджани в оценке Р. Фахретдина отметил: «Если этот юноша и дальше продолжит свое дело, то хорошо послужит» (перевод наш – А.К.). К сожалению, богословские труды ученого Р. Фахретдина недостаточно изучены, однако все чаще у современных исследователей они вызывают интерес.

Литература:

1. Алгар Х. Шейх Зайнулла Расулев – последний великий шейх суфийского братства Накшбандийа в Волого-Уральском регионе. // Шейх Зейнулла Расули (Расулев) ан-Накшбанди. Избранные произведения. – Уфа, 2000. – 152 с.

2. Баишев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Р. Фахретдинова / Ф.Н. Баишев. – Уфа: Китап, 1996. – 170 с.

3. Максудов Х. «Рашид муршид», в указ. Соч. Р. Фахретдинова. – С. 45.

4. Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 246 с.

5. Насыров И.Р. «Уроки толерантности» / Просветительские традиции илсама в Урало-Поволжье: Первые Фахретдиновские чтения: Сб. мат. Всеросс. науч. – практ. конф. / под ред. Р.М. Асадуллина. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. – 143 с.

6. Насыров Р. Зэйнулла ишан. – Казан: «Иман» нәшрияты, 2000. – 28 б.

7. Рахманкулова С.Г. Муфтий Габдрахман Расулев – старший сын Ишана Хазрата Расулева. – Челябинск, 2000. – 142 с.

8. Тухватуллина Л.И. Проблема человека в трудах татарских богословов: конец XIX – начало XX веков. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2003. – 207 с.

9. Тьерри Зарконе. Суфизм в татарском мире в начале XX

века (Муса Ярулла Бигиев и один из полемических аспектов этой проблемы). 1997, 12//http://www.kcn.ru/tat_ru/politics/pan/index.php?tbut=12&sod=10 (дата обращения: 10.02.2013).

10. Фахретдин, бин Ризаэтдин. Дини вэ ижтимагый мәсәләләр. Оренбург: «Вакыт», 1914. – 208 Б.

11. Фәхрәддин, Ризаәддин: Фәнни-биографик җыентык. – Казан: «Рухият» нәшрияты, 1999. – 224 б.

12. Фәхрәддин, Ризаәтдин. Тәрҗемәи хәлем. Казан: «Иман» нәшрияты, 2009. – 79 б.

13. Хусаинов Г.Б. Даты жизни и творчества Ризаитдина Фахретдина. // Материалы к биобиблиографии Ризы Фахретдинова (Из Научного архива УНЦ РАН – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – 76 с.